

УДК 82

DOI 10.5281/zenodo.10891143

Цирулев А. Ф.

Цирулев Александр Федорович, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина 31а. E-mail: tzirulev.al@yandex.ru.

Смыслообразующая роль финала повести М. Горького «Мои университеты»

Аннотация. Статья посвящена анализу повести М. Горького «Мои университеты». В центре внимания автора – заключительный эпизод произведения, рассматриваемый в тесной связи с центральной идейно-художественной установкой автобиографической трилогии Горького – показать эволюцию автобиографического героя, ориентированного на интеллектуальное самовозвышение и на преобразование российской действительности в соответствии с идеалами социальной гармонии и равноправия. Автор доказывает, что «Мои университеты» составляют единое художественное целое с повестями «Детство», «В людях», поскольку их объединяет общая концепция, связанная с развитием нравственного сознания личности. Заключительный эпизод, последовавший вслед за «красновидовской драмой», органически связан с общей концептуальной идеей автора повествования и является собой заключительный этап исканий Пешкова в направлении воссоединения с народной массой, идущей к постижению передовой теории бытия.

Ключевые слова: герой, духовная эволюция, трилогия, сознание, концепция, народ, жанр, портрет.

Tsirulev A. F.

Tsirulev Alexander Fedorovich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Linguistic University, Russia, 603155, Nizhny Novgorod, 31a Minina str. E-mail: tzirulev.al@yandex.ru.

The semantic role of the finale of M. Gorky's novel "My Universities"

Abstract. The article is devoted to the analysis of M. Gorky's novel "My Universities". The author focuses on the final episode of the work, considered in close connection with the central ideological and artistic setting of Gorky's autobiographical trilogy – to show the evolution of an autobiographical hero focused on intellectual self-aggrandizement and on the transformation of Russian reality in accordance with the ideals of social harmony and equality. The author proves that "My Universities" form a single artistic whole with the stories "Childhood", "In people", since they are united by a common concept related to the development of moral consciousness of the individual. The final episode, which followed the "Krasnovidov drama", is organically connected with the general conceptual idea of the author of the narrative and represents the final stage of Peshkov's quest towards reunification with the masses of the people, going to comprehend the advanced theory of being.

Key words: hero, spiritual evolution, trilogy, consciousness, concept, people, genre, portrait.

Аналитическое рассмотрение «Мои университеты» горьковеды завершают обычно красновидовским периодом [1;6]. Многие из них придерживаются того мнения, что «уходом молодого Горького вместе с крестьянином Бариновым из Красновидова и заканчивается эта трилогия как цельное и единое повествование» [2, с. 107]. Однако оставлять без внимания страницы, посвященные плаванию героя по Волге, думается, не совсем верно, поскольку они имеют принципиальное значение для толкования идейно-художественного смысла как повести «Мои университеты», так и всей трилогии в целом. Заключительную, очень короткую часть повести следует воспринимать прежде всего в контексте идейно-нравственных исканий автобиографического героя.

Внешне жизнь Алексея в Красновидове обрывается драматично: кружок народников разгромлен, лавка сожжена, Хохол и сам герой едва не погибли от рук жителей села. Однако, с точки зрения внутренней, духовной эволюции Пешкова, у нас есть все основания говорить не только о потерях, но и о приобретениях. «Драматизм событий... – как верно отмечает Б.В. Михайловский, – не приводит героя к пессимистическим настроениям» [3, с. 632]. Конечно, было бы наивным полагать, что в Красновидове Алексей окончательно решил вопросы, связанные со смыслом его личного бытия и с переустройством окружающей действительности. Это далеко не так. Характерно, что после отъезда Ромаса из Красновидова Алексей очень остро ощущает свою бесприютность. «Меня свинцом облила тоска, когда он уехал из Красновидова, я метался по селу, точно кутенок» [4, с. 131]. Однако нам ясно, что красновидовский опыт для Алексея не прошел даром. Как бы ни сложилась дальнейшая судьба героя, сердце Пешкова будет отдано людям, исканиям для них лучшей доли. «Народным воеводой» называет его Баринов. И это не случайно. Как свидетель-

ствует прощальная беседа Алексея с Ромасем, последний уверен в том, что юноша не изменит стезе, на которую он вступил. Именно поэтому при расставании он советует нижегородскому мастеру глубже окунуться в народную жизнь, неустанно и мужественно изучать ее. «Заглядывайте, – напутствует Хохол, – всюду, ощупывайте все, будьте бесстрашны...» [4, с. 131].

Собственно говоря, толстовская «Юность» завершается примерно на той же ноте [5]. Осознав свой нравственный тупик и ненормальность той жизни, которую он вел на протяжении последних месяцев, Иртеньев решает снова вернуться к своим добродетельным планам и к активным поискам своего подлинного «я». Мы не знаем, как именно Иртеньев будет бороться со своими пороками и преодолевать их, но самое направление его исканий указано автором вполне отчетливо. Доступ в душу Николеньки для тщеславного и ложного прекращен, поскольку теперь это ложное осознается им самим как зло, как нечто такое, от чего следует освободиться. Так же и с Пешковым. После Красновидова он – самое главное – утверждает в мысли о том, что лучшая, более достойная жизнь для народа *возможна*, что наиболее просвещенные простые люди начинают это действительно понимать и что личные его поиски будут связаны именно с этим. И толстовский, и горьковский герои в конце произведения, пережив целый ряд серьезных испытаний, не «ломаются» и утверждают в решении бороться и дальше за обретение той гуманистической истины, без которой они не представляют своего существования. Если для Николеньки Иртеньева эта истина лежит в области индивидуальных усилий по преобразованию собственного «я», то для Пешкова она находится в сфере общественных отношений, поскольку для него крайне важно «переиначить» внешний мир – изменить его в сторону добра, красоты и разума.

В русле того, что горьковский герой, несмотря на разрыв с народниками, все-таки продолжает свои духовные искания, и прочитывается нами эпизод с Петрухой, завершающий трилогию. Аллегорический смысл этого эпизода, на наш взгляд, просматривается довольно ясно, тем более что и композиционно он выделяется в структуре повествования. Поначалу рулевой Петруха кажется Алексею человеком темным, нелюдимым, обремененным на всех и вся. Не случайно Горький акцентирует звероподобную внешность этого персонажа: «... я заметил, что у этого человека, неуклюжего, как медведь, лицо волосатое, безглазое», «... лицо в косматой бороде, кротовые, слепые глаза темными шариками выкатились из орбит» [4, с. 134]. Все попытки героя как-то завязать беседу и вступить в контакт с Петрухой ничего не дают. Однако вскоре Алексей становится свидетелем поразительной метаморфозы – когда рулевой кается в своих греховных намерениях перед товарищами и просит их не мешать ему уйти с баржи.

По логике вещей, исходя из того, как первоначально явил себя Петруха, этот персонаж должен был неизбежно свершить то, что он задумал, а именно – убить своего дядю за то, что тот нанес ему страшный урон. В пользу этого говорит и «несообщительность» рулевого, и его агрессивное поведение по отношению к спутнику Алексея Баринову, и его реплика о законе, который должен был бы запретить всякие посягательства на совершение противоправных действий. Об этом свидетельствует ночное обращение Петрухи к Пешкову. «Не знаешь — кто законы пишет? Не дождавшись ответа, он продолжает... Кабы я наверно знал — кто, сходил бы к нему. Сказал бы: ты пиши законы так, чтобы я замахнуть не мог, а не то что ударить! Закон должен быть железный. Как ключ. Заперли мне сердце, и шабаш! Тогда я — отвечаю! А так — не отвечаю!» [4, с. 134]. Рассказчик дает понять, что в душе Петрухи идет борьба между желанием отомстить дяде -

«злодею ему и разорителю» и пониманием того, что данное намерение преступно и для него разрушительно. В этот момент сквозь личину «полузверя» и жестокого, «мстителя» неожиданно проглядывает человек, способный на глубокие чувства и мужественный поступок. Алексей наблюдает поразительную сцену того, как рулевой упрашивает своих товарищей разрешить ему спрыгнуть с баржи и тем самым отойти от соблазна совершить злодеяние. «Он медленно, широко развел руки, опустил на колени и, касаясь руками «конторки», точно распятый, повторил:— Дайте от греха бежать! В голосе его, странно глубоко, было что-то потрясающее... Казалось, что невидимая рука вцепилась в горло ему и душит. Мужики молча расступились пред ним, он неуклюже встал на ноги, поднял узел, сказал: — Вот - спасибо!» [4, 137]. Задумавший убить дядю, Петруха находит в себе силы победить темное желание и «уйти от греха». Этот вроде бы незначительный сам по себе эпизод бегства матроса «от самого себя» приобретает особый смысл в свете идейно-этической установки повести. Поступок Петрухи воспринимается как свидетельство торжества светлого начала в человеке. Эпизод с рулевым символизирует - ни много ни мало - победу разумной воли над стихийным началом и темными влечениями человека.

Как ни мала по своему объему заключительная часть произведения, однако на всем ее протяжении развивается, обнаруживаемая лишь в подводном течении повествования, идейная полемика между Алексеем и его спутником Бариновым. Предметом этой полемики является не что иное, как народ, вопрос оценки его потенциальных возможностей. Баринов, фантазер и легкий по складу своего характера человек, не приемлет той концепции народа – оптимистической по своей сути, которая сложилась к этому времени у Алексея. После первого же, неудачного знакомства с рулевым и матросами Баринов спешит укорить Алексея:

«А ты говоришь – народ... Тут просто: кто на ком сел верхом...» [4, с. 133]. Однако дальнейшее, совершенно неожиданное поведение «зверь-мужика» Петрухи опровергает одностороннюю и неисторичную правду Барина: «... злой человек – правда... Доброго еще не выдумали» [4, с. 134]. Внезапный «бросок», непостижимый «психологический выверт» работает на Алексея, поскольку подтверждает его концепцию, базирующуюся на вере в русский народ и его творческие возможности. «Рыжий кривоногий матрос рассказывал мне с удовольствием: «... пожалел сам себя, отскочил от греха. Зверь мужик, а — добрый! Он – хороший...» [4, с. 137]. Случившееся с Петрухой, еще раз убеждает героя в том, что русский человек обладает огромной жизненной и нравственной силой. Это укрепляет его стремление продолжить свои поиски, причем не «вне действительности» [4, с. 138], как это присуще Барину, а в самой гуще народной жизни.

Этим выводом, пусть еще не до конца осознанным самим Алексеем, и заканчивается автобиографическая трилогия. Таким образом, в финальной части трилогии – повести «Мои университеты» мы видим, как горьковский герой растет, обогащается в общении с самыми различными людьми. Заключительный эпизод повести «Мои университеты» еще раз подтверждает, что эстетическим центром своей трилогии Горький сделал *диалектику растущего сознания*. В «Моих университетах» обрисована еще одна, чрезвычайно сложная и противоречивая ступень в формировании личности. Вбирая народную правду, осмысливая ее, Алексей Пешков складывается как настоящий «Герой своего времени», как человек, способный взять на себя ответственность за своих «спутников жизни». Тем самым М. Горький дает понять, что обновление русского мира связано не с чем иным, как с развитием разума, овладением знаниями и передовой теорией бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тагер Е.Б. Творчество Горького советской эпохи. М.: Наука, 1964. 378 с.
2. Карлова Т.С. Л.Н. Толстой и толстовство в «Моих университетах» // Л.Н. Толстой. Статьи и материалы. Горький. 1970. VII. Выпуск 102. Горький: Изд-во Горьковского ун-та, 1970. С. 97-114.
3. Михайловский Б. В. Автобиографическая трилогия М. Горького // Литература и новый человек. М.: Наука, 1963. С. 33-86.
4. Горький М. Полн. собр. соч.: Художественные произведения в 25 т. Т.16. М.: Наука, 1973. 671 с.
5. Толстой Л.Н. Юность М.: Современник, 1983. 109 с.
6. М. Горький – художник и мыслитель. Горьковские чтения 2016 года: Материалы XXXVII Международной научной конференции. Н. Новгород: ООО «БегемотНН», 2016. 384 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Tager E.B. Tvorchestvo Gor'kogo sovetskoj jepohi. M.: Nauka, 1964. 378 s.
2. Karlova T.S. L.N. Tolstoj i tolstovstvo v «Moih universitetah» // L.N. Tolstoj. Stat'i i materialy. Gor'kij. 1970. VII. Vypusk 102. Gor'kij: Izd-vo Gor'kovskogo un-ta, 1970. S. 97-114.
3. Mihajlovskij B. V. Avtobiograficheskaja trilogija M. Gor'kogo // Literatura i novyj chelovek. M.: Nauka, 1963. S. 33-86.
4. Gor'kij M. Poln. sobr. soch.: Hudozhestvennye proizvedenija v 25 t. T.16. M.: Nauka, 1973. 671 s.
5. Tolstoj L.N. Junost' M.: Sovremennik, 1983. 109 s.
6. M. Gor'kij – hudozhnik i myslitel'. Gor'kovskie chtenija 2016 goda: Materialy XXXVII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. N. Novgorod: ООО «БегемотНН», 2016. 384 s.